

Фейга Киль

Интервью

Рига

Латвия

Дата интервью: июль 2005

Интервьюер: Элла Левицкая

Сегодня 30 июля 2005 года, город Рига. Я, Элла Левицкая, провожу интервью с Фаней Киль.

Вы начали рассказывать о ваших родителях. Как звали вашего отца?

Моего отца звали Исаак Моисеевич Айзман.

Где родился отец?

Отец родился в теперешнем Даугавпилсе, бывший Двинск.

В каком году?

В 1909 году.

Вы знали, отец вам что-то рассказывал о своей семье? Может быть, вы знали его родителей, братьев, сестер?

Его родителей никого не знала. Потому что они были сиротами. У них в 1914 году, когда здесь в Латвии была гражданская война вот эта, они в окопах, их было 12 детей, 11 братьев и одна дочь. И, значит, они остались сиротами, они даже в этих окопах пили воду с керосином. Очень тяжелая жизнь у них была. У них 2 брата работали в Москве, в кремле.

Вы их по именам помните?

Не помню.

Кого помните, называйте по именам.

Я вообще никого их них не знаю имен. Я помню, что сестру звали Голда, его сестру. Значит, 2 брата в Кремле работали. Еще один брат работал, при немцах в советское время он был советский разведчик, но он работал в немецком, где сам Гитлер. Даже показывали, когда кино показывали, про него говорили, вот увидите, Айзман. А остальных я не помню. После войны никто не остался в живых, никто, и отец тоже нет.

Они все рано осиротели?

Отец осиротел, ему было 5-6 лет.

Всего.

Да.

А отец был из младших детей в семье?

Нет, он не был младшим. У них еще сестра была Голда, она осиротела. Ей было полтора года. Перед ними был кто-то, я не знаю.

Ну, если 12 детей...

Образование – они сами себе пробили дорогу. Они сами учились, они работали, у них очень тяжелая была жизнь.

Жили они тогда в Двинске.

В Даугавпилсе. Теперешний, тогда Двинск. Потом я не знаю, после 1914 года я не знаю, дети, может, их тогда рассортировали. Но факт такой, что когда советская власть пришла, в 1940... нет, пораньше пришла советская власть.

В 1939 году начали создавать военные базы, а потом...

Да, я помню, в Даугавпилс раньше советская власть пришла. Но факт такой, что отец сам себе пробил дорогу, получил образование. Сначала он работал санитаром, убирал, носил, все делал. И получил сам себе образование, стал врачом. Он был врач-нейрохирург. Он оперировал головы, оперировал сложные такие операции.

А где отец учился?

Сам выучился, я же говорю.

А врачом?

Учился врачом, он учился. Он днем работал, а другой раз ночью работал, а днем учился.

А где он учился? В Рижском университете?

Не помню. По-моему, где-то в России. Он сам себе дал образование. У него когда он пошел учиться, у него уже была практика, набитая рука, потому что он санитаром работал. Вот. Когда началась война, отца забрали сразу на фронт.

Фаня, еще немного о семье мамы расскажите.

О семье мамы скажу. Мама моя чистокровная латвийская женщина. Мамины предки тоже жили в Резекне. Моя мама сама тоже из Резекне. Мамина фамилия Лихт.

А как пишется по-латышски? Вот так?

Да. Вот это мамин родной брат, вот эта хупа, вот это мамы моей родной брат. И теперь уже, конечно, никого нет в живых. Вот это мамин родной брат, а вот это моя мама. Она в семье была Зя.

Как маму звали?

Маму звали Тобе-Лея. Тобе-Лея.

Когда родилась мама, в каком году?

Мама родилась в 1995. Она была старше отца на 14 лет.

1895?

1895, да. В 1895, а в 1979 она умерла.

Вы знали кого-то из маминой родни, маминых родителей знали?

Маминых родителей я уже не видела. Я родилась, и мне дали имя моей бабушки. Вот которая в Резекне.

А что-то о маминой родне знаете?

У мамы, я могу сказать, вот у мамы брат был, вот этот.

Брата как звали?

Соломон. 2 брата их было, и 2 брата взяли двух сестер. Один брат в Америке живет, в Нью-Йорке.

А второго брата как звали? Один Соломон, а второй?

Вот забыла имя его.

Ну, неважно. В Америке живет второй?

Он тоже уже умер.

Но жил в Америке?

Жил в Америке, у него там двое детей. У него Хана дочка там. Хана имеет свою клинику, она тоже врач. И потом, у них живет там сын их, его звать Велвл, а вот кем он работает, я не знаю. Также с высшим образованием. Но не знаю, связи у меня с ними нет.

Дядя уехал в Америку еще до войны?

Дядя уехал в Америку в 1937 году.

Вот были эти 2 брата, а потом мама? После них, да?

Нет, у мамы, после мамы была еще сестра. У мамы была еще сестра, ее звали Шифра. Вот какого она года, я не знаю, но она моложе. Она жила в Израиле, но она умерла уже теперь. Так что ее, с какого она года я не знаю. Но младше она была.

Если не знаете года, просто говорите, старшие или младше мамы.

Нет, она младше мамы.

А бабушку, вы сказали, звали...

Мамину мать?

Да.

Ее звали Фейге. И меня звать Фейге. Я в детстве очень болела, и пошли в синагогу, и дали мне второе имя.

Какое у вас второе?

Второе – Рохе, Фейге-Рохе. У меня и в метриках написано Фейге-Рохе. Да. А Рохе звали другую бабушку, моего деда бабушку. Дед мой Лихт был портной, он имел свою мастерскую.

А деда как звали?

Велвл.

Дед родился в Резекне, не знаете?

Дед тоже в Резекне, и бабушка в Резекне. Они коренные там, и моя мама, все они коренные жители Резекне, а мы уже в Риге родились. Я уже рижанка.

У деда была своя мастерская?

Да.

А бабушка была домашней хозяйкой?

Бабушка кем была, я не знаю. Я же говорила, я ее не видела.

Ну, может быть, по рассказам мамы... Если не знаете, ничего страшного.

Знаете, я вам хочу сказать, что я не очень люблю фотографироваться, я не люблю о себе распространяться. А моя мама вообще никогда о себе не говорила. Так мы считаем, меньше распространяться – легче жить на свете.

Не знаете, дедушка сам работал, или у него были помощники?

Дедушка работал очень много, потому что у него была большая семья. У мамы, перед мамой была еще одна сестра, Либе ее звали, старше мамы. И вот, их убили в гетто в Резекне, всю семью убили. И Либе фамилия была уже Шапиро. Она была замужем, и Шапиро была. Подробностей я уже не помню, потому что была ребенком. Сама я лично родилась в Риге в 1935 году.

Еще немножко до вашего рождения. Вы не знаете, родители вашей мамы были религиозными?

Да, очень. У меня родители были очень религиозными, и со стороны мужа, вот я вам показываю фотографию, тоже были религиозные. Я вообще в семье религиозных родилась. А во время войны я была в детском доме. Вот вы говорите, вы с Украины. Я тоже была на Украине, Полтавская область, город Золотоноша. Вот я там была в детском доме. Я в этот детский дом попала в 1943 году, во время бомбежки. Там когда разбомбили поезд, не доезжая Золотоноши, я уже забыла станцию, я все время помнила ее. Забыла.

Вспомнится – скажете потом.

И вот тогда нас выстроили, я в детстве была красивый ребенок очень, у меня были красивые волосы, и все. И нас выстроили. Были вырыты такие окопы, канавы, видимо, для чего-то было. И нас выстроили, и всех стреляли. И вот, среди убитых я тоже упала. В меня тоже стреляли, но, видимо, меня оглушили этим всем. И я лежала среди этих мертвых, убитых. А когда стемнело, велели убрать эти трупы, выбросить, и меня одна украинка подобрала. Она увидела, что я дышу. И я с 1943 кончая 1944 годом была у нее. В подвале, в погребе жила. Она меня скрывала, чтобы соседи тоже не знали. А в 1944 ходили по дворам, забирали детей. И меня забрали в детский дом. И я вот в детском доме жила, начиная с 1944 года, и кончая 1949, в конце 1949 года, в конце октября, 30 октября, меня привезли сюда в Ригу. И нашли мою маму. И вот, я с 1949 вернулась обратно в Ригу.

Вы об этом подробнее расскажете, о войне, это очень важно. А папа тоже, хотя он был врачом, тоже был религиозным?

Тут я не знаю, как он в армии, как он себя вел.

А в вашем детстве?

Да. Да.

То есть, высшее образование не было помехой?

Все равно он был религиозным. Он очень верил людям. Он мог последний кусок, снять с себя рубашку, и отдать другое.

А вы не знаете, мама какое-то образование получила?

Мама никакого образования не имела. Мама у меня...

А школу?

И школу никакую не имела. У них была большая семья, было тяжело жить, и они все работали. Чтобы прокормиться, потому что до войны, в то время портной – это считалась низкая такая специальность.

И оплачивалась тоже...

Низко оплачивалось это все. А то, что мой отец женился на моей матери, так у него не было препятствий, кто ему бы это препятствовал. Родителей не было никого, так что он совершал то, что считал нужным. А моя мама совершила, как говорится, грех на душу, она уехала из Резекне с ним сюда в Ригу. Вот таким образом.

А почему это считалось грехом?

Ну, видимо, я же не знаю, как. Но когда люди верующие, они хотят, чтобы свое что-то было. Он еврей, и все, но то, что он так скитался... Может быть, у вас там на Украине иначе смотрелось, а здесь в Риге иначе.

Поэтому я и спрашиваю, потому что в каждой стране свои обычаи.

Да, очень, и я вам еще скажу, что здесь, когда я была молодая, я же все же из детдома, и у меня взгляды на жизнь были немножко иначе, и все. Но я приехала сюда, и хотя и мама была жива, но мне негде было жить. Я жила прислужкой у людей. Я днем убирала там, все делала, а вечером ходила в вечернюю школу. Вечернюю школу я кончила, 10 классов тогда было. И пошла, продолжала дальше работать, и начала работать, я в 14 лет... Мне было 14 лет, когда я начала работать.

Тяжело вам пришлось.

Да, у меня жизнь вообще очень тяжелая. И я работала, и вечером после работы, я поступила в финансово-кредитный техникум. Вот в Старой Риге у нас, недалеко от дома, где живет президентша, там Дворец пионеров был раньше, и вот там был финансово-кредитный техникум. Я окончила этот техникум, так как материально было тяжело, я пошла работать на производство. Вот. Сама себе дорогу пробила. В 1959 году я вышла замуж. Свадьба у меня была тоже религиозная, по всем обрядам и обычаям. Хупа была, все это в квартире делалось. Все это очень красиво, свадьба, все. И свадьбу мы делали с мужем сами. Мы работали, сами собрали деньги, и устроили свадьбу. У моей мамы не было, с чего мне делать свадьбу.

А про Резекне немножко можете рассказать?

Я в Резекне никогда не жила.

Не знаете?

Я в Резекне впервые поехала вместе с вами. Я когда услышала Резекне, я с удовольствием поехала. Я хотела посмотреть родину моей матери. И теперь вот говорят, экскурсия будет эта, памятники, я очень хочу поехать, чтобы эти кладбища посмотреть, вот это все. Так что я о Резекне ничего не знаю. В Даугавпилсе я была несколько раз, но я там тоже ничего и никого не знаю. У меня и муж из Даугавпилса, с рождения. И отец у меня из Даугавпилса, с рождения. Но Даугавпилс я не знаю. Я скажу вам честно, не кривя душой, что я хорошо и Ригу теперь не знаю. Потому что здесь все так перестроили, и я теперь не знаю.

Но Резекне был еврейским городом, да?

Да.

Там было много евреев?

Да, там до войны было очень много евреев. И там к Резекне примыкает еще Ворокляны, по моему, что-то еще такое. Там очень много, еврейский городок был. И Даугавпилс тоже был еврейский городок был.

В Резекне экскурсовод говорила, что из 25 тысяч населения было 13 тысяч евреев.

Ну, так представляете! Было 23 синагоги. Она рассказывала, а осталась одна синагога. Здесь в Риге тоже было много синагог, а осталась одна синагога.

Дома у мамы, не знаете, на каком языке разговаривали?

На идиш. На иврит никто не говорил. Иврит стал уже после войны.

Но не на русском, не на латышском?

На идиш. Я тоже говорю на идиш.

А папа на каком языке разговаривал?

Тоже на идиш. Вообще, папа работал, еврейская больница была. Вот сейчас она называется Бикур-Холим, а до войны там была еврейская больница.

Еврейская – и персонал были евреи, и пациенты?

Там одни евреи работали.

И пациенты? Это общинная больница была?

Ну, пациенты – я не знаю. Какие там поступали, я не могу сказать. Но я знаю, что там была еврейская больница, даже моя мама, когда рожала меня в 1935 году, у нее принимал роды доктор Берман. Он тогда был студентом, и он у мамы принимал роды. А в 1960 году я своего сына рожала у этого же доктора. И он меня узнал, понимаете. Да. Так что один и тот же врач, совпало. Он говорил, что из нескольких тысяч одна такая может попасться. И вот, до последних дней он меня очень любил. Звонили мы, общались.

Как интересно.

Да. Вот это я знаю. А вот подробностей о Резекне я не знаю.

Я понимаю.

Я очень счастлива, что мы съездили. Еще я хочу сказать, так как вы уже пишете, я хочу сказать, что Хана Финкельштейн, она на редкость, прямо вот как создана для нас. Она очень хороший человек, очень хороший. Все же у нас есть разная публика, есть такие тяжелые люди, и всякие припадки. Исключительный она человек.

Есть ведь люди с такими характерами, что их родные не всегда могут выдержать.

Да. Хана очень хороший человек, я скажу, как говорится, в этот социальный отдел ее как сам Бог подарил.

Реальная помощь от «Вицо Рахамим», да?

Да.

Люди получают помощь и ощущают ее, да?

Ну, о чем вы говорите! Нам и пайки, вот видели, вот пайки, это всем давали. А кто малообеспеченный, так нам дают, раньше давали каждую неделю, сейчас получаем 2 раза в месяц, но это очень хорошая помощь. Я не знаю, как кому, кто как питается, но мне дают в паек эти 2 ляжечки, и я вам скажу, мне хватает на полторы-две недели. Потому что сколько можно скушать?

Это вы получаете, и дома сами готовите?

Да. Есть люди, которые здесь кушают. А я получаю этот паек 2 раза в месяц, и я дома сама готовлю. Очень, я очень довольна, очень. Я говорю, ей надо, как говорится, мыть ноги и пить эту воду. Она замечательный человек.

Здесь и медицинская помощь?

Это все благодаря ей. Она очень много трудов вкладывает. Вот не надо далеко ходить – вы с нами ездили в Резекне, вы видели. Она суетится, все делает. И бутерброды сама, и старается, чтобы все поели, и за каждым она смотрит, и она нас знает в лицо.

И не только в лицо.

Она замечательный человек. Вы понимаете, если бы меня разбудили и спросили, я бы во сне даже сказала. Мне кажется, я лично бы столько не выдержала, сколько она выдерживает. Я не выдержала бы. И ее терзают со всех сторон, и мы терзаем, и администрация терзает, и со всех сторон ее теребят. Это железные нервы надо иметь. Она идеальный человек, мне лично нравится. Конечно, люди, кто постарше меня, может быть, у них другие данные есть. Я очень много не знаю, очень много не помню. У меня жизнь очень тяжелая была. И может, кто-то еще тяжелее перенес, я не знаю. Вот я вам говорю: началась война, скитания вот эти, детский дом. Прожить на Украине, я была как раз в эти годы, когда там засуха была, голод был. В 1946 году на Украине страшная засуха была. Голод был такой! Я вспоминаю, как мы кушать ходили – нас строем выстроят, и мы идем 15-20 км в поле полоть. И находили мерзлые морковочки, как мы это все ели... Это страшно вспомнить. И здесь я тоже жила, пока я, как говорится, выбилась в люди. Смотрела детей, и работала.

Еще совсем подростком.

Вот говорят – юность, молодость. А у меня ее не было. Таки не было. Я в 23 года уже была седая, от хорошей жизни. И сейчас тоже, я стараюсь больше молчать. Я не могу этого, когда обидеть человека. Мне его жалко. Вот люди ходят, волонтеры, им Хана платит. А я хожу, двоих обеспечиваю, я себе ни копейки денег не беру. Я думаю – может, кто-то больше нуждается. Я хожу даром. Я ухаживаю за Долгонос, ухаживаю, она вообще одинокая, никого

нет. Я сказала ей, что я сегодня не буду, и завтра не буду. А так я почти каждый раз, и гулять с ней хожу, и везде. Вот это у меня такой характер: мне хочется сделать людям добро. Я сделаю добро, и Б-г меня вознаградит за это. Так оно и есть, по-русски, как говорится, не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Вот так и есть. Будешь делать добро людям – тебя отблагодарит Б-г, делаешь плохо – поздно или рано оно отзовется, это плохое. Правильно?

Мне кажется, да. Правда, есть люди, которые как-то ухитряются уклоняться от ответственности. Делают плохое, и им сходит.

А я как раз, вы знаете, или это детдомовская закалка, или что – я всегда там, где человеку чужому плохо. Где человеку надо помочь. А где полный стол – там я стараюсь подальше, меня эти застолья мало интересуют. С едой я, конечно, очень щепетильная. Это у меня уже осталось – все же и война прошла, и все, а я все равно щепетильная в еде. Я ем молочное, овощное, мясо очень редко ем, если вот эта курица или мясо. Я вымачиваю, я высаливаю, все это как полагается...

По кашриту?

Да, по-нашему это все. Это уже, видимо, в крови остается при рождении.

А в вашем доме это было, в вашем детстве, когда вы жили с мамой и папой, до войны?

Конечно.

Держали кашрут, соблюдали все это?

Кошер.

А как ваши родители познакомились, не знаете?

Вот это я не знаю.

Это сватовство было, или они сами как-то...

Вот это я не в курсе дела. Я лично без сватовства, а про родителей я не знаю. Я только знаю, что мама была старше отца на 14 лет. Наверное, любовь была.

Наверное.

Потому что мама была не из богатой семьи. Другие льстятся на богатство, на что-то, но этого не было.

А свадьба у них была традиционная?

Тоже не знаю.

Но наверное, если они оба были религиозными.

Мой отец был религиозный постольку-поскольку, вы знаете. Так у него может и была религия, и не была религия, у моего отца. Потому что он рос без дома, это все. Но у меня в семье, как я вышла замуж, я все время придерживаюсь этого, потому что у меня муж тоже из такой семьи, верующей. Муж у меня был очень хороший, очень хороший. Но вот уже 13 лет его нету.

Родители переехали в Ригу после свадьбы, да?

Чьей?

Ваши родители, когда поженились, жили уже в Риге?

Да.

Отец работал?

Отец уже работал, да.

В еврейской больнице? Сразу?

Я вот только не помню, то ли в Бикур Халем, то ли была еще какая-то больница. Или от этой же больницы, на Лудзас. На Лудзас улице, там тоже была, или отделение этой Бикур-Халем, или что. Но факт такой, что он в еврейской.

А где поселились родители, то есть, купили жилье или снимали?

Я не знаю, это снимали, или это их собственность была, это я не знаю. Но жили они где-то на Московской. Недалеко от базара центрального, то ли Московская и Тургенева, то ли Московская и Дзирнаву. Но это недалеко от базара. Это в центре.

Это там, где вокзал, автовокзал, да?

Это...

Там вокзал железнодорожный.

Недалеко. В том районе. А вот квартира чья была, я не знаю.

Мама не работала?

Я знаю только то, что после войны, вот когда эта, когда меня из детдома привезли, это я слышала, что в эту квартиру мама не могла получить, там в советское время где-то сделали сапожную мастерскую, что-то вот такое. А у нее на 1 этаже была квартира. Я мало помню, мне было всего 5 лет, когда война началась.

Вот те обрывочки, что вспомнятся. Это все равно важно все.

Это когда чуть постарше. В школу еврейскую я не ходила, потому что я была маленькая еще. Я не училась. Еврейскую писанину я ничего не знаю, ни одной буквы я не понимаю. Я 4 класса окончила украинской школы, на Украине. В Золотоноше там. А потом я здесь училась в русской школе, у меня русский очень тяжело давался, я даже в одном классе 2 года сидела. Потому что я училась по-украински. Вообще, горя вот так нахлебалась, выше порога.

А ваша сестра старше вас, младше?

У меня старшая сестра умерла, она на кладбище похоронена.

А сколько детей всего было у вас в семье?

У мамы?

У мамы.

Нас было четверо.

А кто старший был?

Старшей была сестра, 1929 года.

Как ее звали?

Голда. Вот имя моего отца сестры, имя Голда. Потом у меня был брат 1932 года, Мойше. А где вот он пропал.

Пропал во время войны?

Да. Пропал. Потом я шла, третья, 1935 год, и младшая сестра есть Либе, 1939 года рождения. Она живет здесь в Риге, она инвалид второй группы. У нее онкологическая операция была, она очень больная. Да.

А папина сестра Голда?

Она умерла, вот имя дали ее.

Молодой умерла?

Да. Вот когда, я вам говорила, в 1914 году была здесь, я не знаю, как сказать – революция? И вот, они погибли. Я знаю, что 2 брата у него в Кремле работали, и 2 были, по-моему, даже жулики. Нет, честно я говорю.

Такая большая семья, всех хватало.

Сестра вот, я не знаю, когда она погибла, но знаю, что моей сестре дали имя папиной сестры. А это, не знаю, что, по-немецки мете, работал тоже папин брат. Что-то в советской разведке.

Фаня, если можно, понемножечку расскажите еще о родных мамы. Вот брат Соломон...

Брат Соломон работал, он жил здесь в Риге. Работал парикмахером. Я не помню, в каком году, но когда здесь была эпопея, ехать в Израиль, он уехал в Израиль.

В 1970х?

Я не помню, в каком году здесь это было, но он уехал. Он уехал в Израиль, он жил в Израиле, и он там умер. И жена его умерла там.

А дети были?

Да, у него было двое детей. Дочь Либе была, и брат Велвл. Дочь живет во Франции, где, что – не знаю. Но живет во Франции его дочь. А сын живет в Израиле.

А младшая мамина сестра?

Младшая мамина сестра Шифра, она была бездетная.

Замужняя?

Замужем, бездетная. Муж ее тоже умер в Израиле, и она тоже умерла в Израиле. Но она тоже, она по-моему то ли 1910, то ли 1912 года. Она уже тоже вот такого возраста.

Тетя уехала тогда, до войны?

Нет, она уехала, когда я была беременна сыном. Это в 1959 году. Когда ехали через Польшу отсюда.

А ее фамилия в замужестве?

Тети – Форман. Что я помню – так помню.

Конечно, то, что помните. Вроде все братья и сестра мамы. Фейге – это тоже сестра?

Фейге – это я.

А, это бабушка.

В паспорте у меня написано Фейге. А в метриках у меня Фейге-Роха, как я вам сказала. Но я чистокровная латвийская, корни мои здесь.

Это вам дает право считаться гражданкой Латвии?

У меня вообще дети мои граждане Латвии, и я, потому что у меня муж тоже латвийский. Он в Даугавпилсе родился, и семья его. А муж мой, вот я вам принесла фотокарточку показать.

О нем вы расскажете подробно. А пока мы с довоенным бытом. Дома у вас разговаривали на идиш...

Я хочу вам сказать, что дома...

До войны. Ваш родной язык идиш, вы считаете?

Идиш. Да.

А какие-то еще языки знаете?

Нет.

Сестра, брат учились в школе уже? Голда.

Учились уже, но я не знаю, какие они учили языки.

Они учились в еврейской школе?

Наверное, в еврейской. Здесь же евреи учились в еврейской школе.

То есть, это было обязательно, или по выбору?

Конечно, вот это помещение, здесь был еврейский театр, до войны. Вот это помещение, ЛОЕК, это был еврейский театр. Здесь был. А после войны здесь уже был... Здравствуйтесь, Жанночка! Вот она – тоже латвийская.

Меня привезли ребенком.

Вы не из Латвии? А я думала, здесь.

Жанночка – почти моя землячка.

Я с Украины, а здесь уже выросла.

Тоже хорошая женщина.

Очень. Да здесь все, по-моему, хорошие. Во всяком случае, те, с кем я познакомилась.

1 кассета, 2 сторона

Дома у вас, вы говорили, все кошерное было. Праздники еврейские справляли?

Обязательно. Обязательно. Еврейские праздники и до войны, и после войны, когда я сюда приехала, вот я все время, все время, еврейские праздники – это у нас самое главное. Советские – такие праздники... А еврейские – это в первую очередь.

До войны ходили в синагогу родители?

Да, и дети ходили.

Детей с какого возраста брали?

Куда?

В синагогу.

В любом возрасте, родители приведут – можешь идти. И сейчас то же самое. В любом возрасте.

Вы помните, как выглядела синагога, куда ходили родители? Большая была, 2этажная?

Вы знаете, я вот синагогу знаю только одну, на Пейтавас которая. Там было так: верх, середина и подвал, там тоже молились. Вы были в этой синагоге?

Еще нет.

Там внизу у них контора, а раньше была синагога, наверху были женщины, в середине там мужчины, и внизу было мешаное, было огорожено, где женщины сидели, и где мужчины. Я помню так, как эта синагога выглядела, но я не знаю, как передать.

А какой-то праздник вы помните, как отмечали дома, Песах, Рош-Ашана?

Отмечаем, как все отмечали.

А тогда?

То же самое. Семья собирается за столом, вкусные блюда приготавливаются, национальные наши блюда. Очень хорошо. Читается кадиш, очень интересно.

А до войны вопросы отцу кто задавал?

Я ничего, вот что касается этого, я ничего не помню. Вот что в памяти осталось, вот когда начиналась войны. Мы с мамой шли по улице, где сейчас центральный универмаг, вы знаете Ригу?

Плохо.

Ну, вот, по улице шли, это 1941 год, как раз. И вот, я помню, стреляли из этих окон, с этажей сверху стреляли. И перед нами шла бабушка, у нее была баночка с молоком. На разлив раньше молоко продавали. И вот эта пуля попала, и баночка упала и разбилась, и бабушка упала. И мама меня схватила, мы бежали – и больше я ничего не помню. Но вот эта бабушка, она у меня запечатлелась на все годы, сколько я живу.

Фаня, а кто стрелял? Немцев же тогда еще не было?

Латыши. Это начиналась война. Это было в 1941 году.

То есть, к началу войны уже...

Это уже началась война.

Тогда уже, может быть, вы что-то знаете по рассказам. Когда в 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер, что-то в Латвии изменилось? Появился антисемитизм?

Ничего не знаю.

Но в своем довоенном детстве вам не пришлось испытывать антисемитизм? От детей, например.

Я ничего этого не помню. Я только помню, как эта бабушка, мне это запомнилось. А потом я помню, как мы бежали. Бежали, и какие-то котомки связанные, вот такие, перевязанные узелками. И в поезд нас посадили, и мы ехали, и вот мне запомнилась эта станция Матай.

Вы были с мамой, все дети были?

Мы были все с мамой, все четверо детей.

Про отца расскажите.

Отца уже не было. Отца, вот как передали это объявление, и тут же отца забрали.

На фронт?

Да. У меня есть это извещение, о гибели отца.

В каком году он погиб?

Он погиб в 1945 году, 8 мая.

Ох, ужас какой. А где?

В Берлине. При взятии Рейхстага.

Отец был врачом на фронте?

Не знаю, наверное. При каждой части же были госпитали. Но он был при конной армии Буденного, а как он – в действующей армии был или в госпитале, этого я не знаю.

Там же госпитали, которые были при армии, шли вместе с армией.

Были палатки, госпиталя.

Да, и прямо с поля боя доставляли туда раненых. И вы эвакуировались. Как я понимаю, вы были маленькой, вы не знали, куда едете. Это был обычный вагон, пассажирский? Или телячий?

Ничего не помню. Я только помню, что когда разбомбили вагон, тогда мы потерялись. Я помню станцию Матай, вот где эта станция, в России или на Украине?

Я не знаю, это надо по карте смотреть.

Станция Матай. Сейчас есть такая станция? Ведь могло измениться название тоже.

Конечно, и потом, разве мы знаем все эти маршруты?

Я не помню. Я только знаю, когда я уже была в детдоме, когда разыскивали по анкете, у кого кто есть, то я знаю, что сказали, что я потеряла мамину сумку со всеми документами, и с фотографиями, со всем. Вот когда вагон разбомбили. Каждый из нас что-то тащил, каждый ребенок. Вот мне дали эту сумку, и я ее посеяла. Так что у меня фотографий толком нет. Только мне знакомые отдали фотографию моего отца.

Отец – справа, вот этот?

Да. Я даже глаза и нос, как-то... Старая уже карточка. Вот тут написано, вы читать не умеете?

Нет.

И я не умею.

Это было в самом начале войны, то есть, вы только ехали в эвакуацию, и разбомбили?

Нет, я не помню. Нет, мы уже ехали. А вот когда, где – я не помню.

Вы тогда еще никуда не добрались? Вы выехали из Риги и ехали, не то, что переезжали с места на место в каком-то другом году? Это еще 1941 год был?

Это было в 1941. да, в конце 1941, или в 1942, может быть.

Разбомбили этот эшелон. Что вы помните? Вы одна остались...

Нет, я с сестрой была в одном детском доме.

А потеряли вы маму и старших брата и сестру. А как вас нашли, то есть, как в детский дом отправили, как подобрали?

В детский дом, я же вам говорю, нас везли, я не знаю, куда нас везли. И наш вагон попал на оккупированную территорию. Не доезжая Золотоноши. Видимо, там было сказано, что может пройти состав, но там же не мы одни ехали. И нас там немцы эти разбомбили. И я же вам рассказывала, как нас выстроили, стрелять.

А, это там было?

Да. И вот, это было в 1943 году. Так что я не помню, подробностей ничего не помню. Мама попала в дом инвалидов, у нее очень плохое зрение было. А мы с сестрой младшей, ее тоже потом нашли. Я даже не помню, я вот этого не знаю подробностей, как это получилось, как нас разбросило, я только знаю, что в Золотоноше я с сестрой была в одном детском доме. А как и что – я не помню. А потом ее в дошкольный детский дом забрали, а меня отправили там, в Золотоноше, в школу. Я пошла в школу в 1945 году, мне уже было 10 лет!

А до этого не учились?

Нет, война была. Я же жила у этой украинки.

А вы помните что-то из вашей жизни у нее в доме?

Вы знаете, в ее доме я жила в страхе. И она жила в страхе.

Это было в Золотоноше?

В самой Золотоноше.

Золотоноша была оккупирована немцами?

Да. В 1944 году ее освободили.

И все это время вы жили у нее?

Целый год я жила у нее в погребе.

И сестра ваша младшая там была?

Нет, я с сестрой встретилась только в детском доме. Просто судьба. А у этой украинки я жила, там такие подвалы, и там полочки всякие. Вот там я жила, лежал мой матрасик, и я там спала, как собачка. Чтобы даже рядом соседи не знали, что я есть. А потом в 1944 году, я уже не помню, в середине или в конце года, ходили по дворам, и спрашивали, может, у кого-то есть дети-сироты, или что.

Это уже после освобождения Золотоноши?

Да, в 1944 году, я не помню, то ли в ноябре, то ли в сентябре освободили Золотоношу. И тогда ходили по дворам, и организовывали детские дома. У меня есть документы, что я была там.

А вы помните, как звали женщину, которая вас приютила?

Тоже уже не помню. Тетя Галя, мне кажется.

Много детей у нее было?

Нет, вот так и получилось. Я же вам говорила, что я в детстве была красивым ребенком. У меня очень красивые волосы были, и видимо, мордочка симпатичная.

Ну, вот же ваша фотография.

Нет, это я уже большая.

Я понимаю, но все равно видно.

Тут уже отрезанные волосы, тут я большая. А у меня были темные волосы, кучерявые. Я была хорошим ребенком. А у нее была дочка Галя, и когда там стреляли, то по ошибке убили ее дочку. И когда жителям этого района сказали убрать трупы, она обнаружила, просто ей попала я, что я живая. И она меня ночью к себе приволокла, и она меня выходила. И я там жила у нее, целый год.

Вы хоть иногда могли выйти во двор, подышать воздухом?

Она ночью, она сама со мной вместе выходила. И за это ее могли расстрелять.

Бесспорно.

Ой, откуда сейчас эти все болячки? Это все старое отзывается.

А свою жизнь в детском доме вы помните? Это, наверное, очень страшно было после войны?

Тяжело было. Хорошего мало.

Одежда хоть была, теплая одежда?

Знаете, как нас одевали после войны?

Я знаю, как сейчас одевают...

Сейчас хорошо. А тогда вообще, туалеты были, целый километр или полтора километра надо было идти до туалета, и мы сами мыли, скребли полы эти белые. Наказывали нас, туалет чистить. Я помню, свирепствовал тогда на Украине тиф, это который у нас там был сторож, так он нам другой раз приносил по конфетке, как детям. Конфетки или кусочек хлеба лишней. А у меня волосы были длинные, и я специально редко мыла голову, чтобы вши были.

Зачем?

И вот такие густые были расчески, с обеих сторон, с одной стороны гуще. И вот, мы чесали, и вот эти вши ползали. И в коробочку собирали, и вот в этот черный хлеб втыкал он вши наши.

Зачем?

Лечил этот тиф, лечили хлебом со вшами. И больной не знал, что он кушает. И мы специально разводили вшей, чтобы ему собирать, и это запомнилось. Я говорю, во время войны каких только событий не было...

Конечно. А бытовые условия там были какие?

Конечно, тяжелые.

Огромные спальни были, да?

Вот какие спальни, это как сейчас в больницах или в лагерях, комнаты, и там стоят эти кровати в ряд, штабелями. И там спали.

Девочки отдельно, мальчики отдельно?

Да, да. Ну, занятия иногда с нами проводили, пианино стояло в актовом зале. Вот. Я вот там научилась немножко брынькать на пианино.

А там, в детском доме во время войны и после войны вы не ощущали такого к себе предвзятого отношения, как к еврейке?

Нет.

Не было?

Нет, я вообще не знала, что такое еврейка, не еврейка. Я это стала ощущать, когда я приехала сюда в Латвию, когда я пошла здесь в школу. Меня русские начали оскорблять, не латыши.

А еще до школы, в Латвии, вы по-русски говорили?

Я вообще по-русски, до войны я не знала, я говорила на идиш.

На каком языке вы объяснялись вот с этой женщиной-крестьянкой?

Я не знаю.

И потом в детском доме?

Я приехала сюда, я ни одного слова по-русски не знала. И по-еврейски тоже не знала, я знала только украинский язык. И когда я пошла в школу, я же вам говорила, я 2 года сидела в одном классе. Я не знала русский язык, и меня дразнили не из-за того, что я еврейка, а из-за того, что я неграмотно пишу, неправильно разговариваю. Я что ни говорила, у меня все на «о» шло, окончание. И где надо е, я писала о, где надо о, я писала е, наоборот все. Но я была сильная в школе по математике. Математика на любом языке – она одна и та же.

Да, формулы – они и есть формулы.

А по-русски я была слабой ученицей.

Вот вы пошли в 1945 в школу еще в Золотоноше.

Да, 4 года я там училась.

А жили по-прежнему в детском доме?

Да.

То есть, это была школа при детдоме?

Нет, мы ходили в районную школу, все детдомовцы.

Вы тогда уже были в одном детдоме с сестрой?

Она была маленькая.

А о судьбе остальной вашей родни – мамы, брата...

Я все узнала только в Риге, когда меня сюда привезли.

А вы говорили, что вы из Риги? Где-то это было записано?

Я не знаю, сами документы, наверное... Кто-то, наверное, разыскивал. Красный Крест этим занимался.

А как вас вернули в Ригу? С сестрой?

Физрук нас привез.

И куда?

Сюда, в Ригу.

Я понимаю, а куда конкретно?

Сперва они нашли маму. Да. Мама здесь жила тоже в трудных условиях. Подвальное помещение, негде положить. Нашли маму, и нас привезли. Сестру сразу в Ригу здесь в детдом забрали. Рижский детский дом под Цесисом, детский дом. А я вот жила с мамой, мама ходила по квартирам белье стирать. А я тоже вот так, детей нянчила, квартиры убирала. И училась. Сама себе дорогу проложила, меня никто не кормил, не одевал. Я уберу, дети покушают, останутся горшки, надо мыть – тогда мне разрешали поесть.

А старшая ваша сестра Голда, она не вернулась в Ригу?

Вернулась, но она уже похоронена здесь в Риге на кладбище.

Это недавно?

Давно.

В каком году?

Не помню.

Сколько лет назад – 10, 20?

Уже давно нет.

1950е, 1960е годы? после вашего замужества?

Да, наверное, в 1970, 1972, что-то такое, я не помню.

Голда была замужем?

Вы знаете, я скажу, я ее жизнь толком не знаю.

Вы не общались?

Да.

Вы учились в вечерней школе, подрабатывали?

Я не подрабатывала, я работала. Меня устроили через райисполком. Рикас Аппавникс. Мне было 14 лет, я еще училась, но меня уже устроили на работу. Сначала я работала курьером,

раньше была такая должность курьер, каждую бумажку по учреждениям надо было разносить. Я работала сначала курьером, а потом я стала работать учетчицей. Все в одной организации. А потом я пошла работать, меня перевели в той же организации в цех. У них организовался тапочный цех, делали тапки, колодку ставили. Я хотела взять, но мне лень было тащить столько фотографий. Я работала в этом цеху, и там были одни парни. Я была секретарь комсомольской организации. Но я была такая активная, у меня жилка такая, руководить. Так прошла моя... Потом я в один прекрасный день познакомилась с мужем.

А как познакомились?

С мужем?

Да.

Мы шли в синагогу. Я вообще общалась, старалась, когда я в Риге была, я старалась быть среди еврейской молодежи. Я, может быть, это и плохо, но я все время националистка в душе, и сейчас то же самое. Может, это и плохо, не знаю. Но у меня национальный вопрос глубоко в душе. И мы вышли как-то, и так познакомились, хи-хи, ха-ха, как в молодости, так и пошло.

Вы говорите, вы шли в синагогу. Вы же были комсомолкой, секретарем комсомольской организации?

Все равно. У нас была...

И можно было здесь?

А кому мне надо было докладывать?

Ну, знаете, опять же в разных местах по-разному было.

Не знаю, я ходила в синагогу и в советское время, и в послесоветское, и сейчас.

В советское время в синагогу ходили в праздники?

В праздники.

И отмечали дома еврейские праздники?

Тоже. Я вышла замуж, я тоже отмечала еврейские праздники.

И когда вы с мамой жили, тоже отмечали?

Отмечали еврейские праздники. И у меня родился сын, я делала брис. У меня в семье все по-еврейски.

Это можно было делать официально?

Нет, официально нельзя было. Все было сделано, и свадьба, моя свадьба была тоже по еврейским обычаям, делали хупу.

Дома делали?

Дома делали, в 1959 году. Раввин у меня был дома. У меня была хупа, у меня было все. Своему сыну свадьбу я делала тоже еврейскую, тоже была хупа.

Расскажите о вашем муже, как его звали?

Евсей-Яков, вообще в документах он записан Яков.

А еврейское?

У него тоже 2 имени, как у меня, Евсей-Яков.

А по-еврейски как это звучит?

Янкл.

А Евсей?

Так и есть, Евсей.

Когда он родился?

В Даугавпилсе в 1931 году, 31 октября.

Что-то о его семье вы можете рассказать – кем были родители, как их звали? Братья и сестры.

Папу его звали Лейбл, вот кем он был, я не знаю. Но знаю, что он лесом торговал, или возил лес, что-то такое с лесом связанное.

Лесное дело, в общем.

Да.

А мама?

А маму, вот я показывала, его мама среди семьи. его мама, мужа мама, а это его бабушка, а это дедушка.

И дедушка был раввином?

Да, вы же видите, я не придумываю. Вот даже, раньше раввины носили вот эти медали, и она, его жена, тоже вот это должна была носить.

Как звали вашу свекровь, маму мужа?

Лея.

А дедушку и бабушку знаете? Вот этого дедушку, раввина?

Этого, мой муж носит его имя. Ши-Янкл его звали.

А бабушку?

Бабушка – Бейла.

Они в Даугавпилсе жили?

Где они жили раньше, я не знаю, но я знаю, что они из Даугавпилса. А где дед родился, и где бабушка...

Нет, где дедушка раввином был, в Даугавпилсе?

Да, да.

Кроме вашего мужа, у него еще были братья и сестры?

Да, да, их было 3 брата и сестра.

Если можно, коротко о каждом.

Один брат у него, старший, он умер, похоронен здесь в Риге.

Как его звали?

Рахмил.

Кем он работал, дети, жена?

На железной дороге работал.

Женат был?

Да.

Дети были?

Есть у него четверо... трое детей. Его дочь работает в Израиле в институте, где раскопки делают.

Археологический.

Да, она работает, и она много лет там работает. И она когда-то здесь в общине тоже работала, пока уехала в Израиль.

Дальше, после Рахмила?

После Рахмила шел мой муж, второй. Нет, сестра шла.

Как звали?

Эстер ее звали. У сестры фамилия Шнейдер, она же замужем. У нее тоже было 2 сына, один умер, в Израиле похоронен, а второй сын живет здесь.

Эстер работала?

Она работала на хлебозаводе, на Красноармейской.

Жила в Риге?

Жила в Риге, и работала в Риге.

Примерно, в каких годах умерли Рахмил и Эстер?

Ой...

Опять же, десятилетие, до 2000, до 1990...

Рахмил, наверное, умер в 1994 году, может быть. Да, в 1994, а мой муж умер в 1992. А сестра умерла, вот 20 лет было. сестра Эстер.

Это 1985-84?

В 1985, 20 лет. В прошлом году.

Кто еще? Потом ваш муж был.

Потом муж был, он в 1992 умер, как я вам сказала. И потом еще есть один брат, он живой, здесь в Риге живет, Киль Веньямин.

И тот же вопрос, про жену, детей, работу.

У него двое детей, у него один сын работает в Ретума-банке, и второй живет в Израиле.

А жена?

Жена на пенсии, дома.

После вашего замужества вы жили отдельно от родных мужа?

Я все годы жила со своей мамой и со своей сестрой вместе. А с 1972 года я живу отдельно.

Дети ваши когда родились?

Сын у меня родился в 1960 году.

Как зовут?

Лев.

А еврейское имя есть?

Лейбл.

А дочка?

А дочка у меня в 1969.

Как зовут?

Анна.

Еврейское имя было? Хана?

Нет. Вообще мы ее называем Хана, но нигде не написано ничего. У сына тоже не написано нигде.

Вы говорили, что вы сыну делали брит-мила, все, как положено.

Все сделали, ему от роду было 11 дней.

Хотя в эти годы...

Это было опасно, было наказуемо. Судили за это.

При советской власти...

Это было очень опасно, это я нарушала правила.

Но, тем не менее вы следовали еврейским традициям дома, и отмечали праздники?

Все делали.

А тогда же были сложности с мацой, со всем...

А мы сами пекли.

Дома?

Да. Сами пекли, делали из часовых механизмов, ролики такие есть, вот это муж сам приспособлял, мы делали это, и проводили, чтобы дырочки. Сами делали мацу. Все сами.

А советские праздники вы отмечали дома?

Как сказать... Отмечали. У нас же были друзья, знакомые, разные национальности были.

Для вас это были праздники по сути, или как бы лишние выходные дни?

Как вам сказать... Любили тоже повеселиться, в компании побыть, попеть, потанцевать. Так это, жизнь берет свое.

Естественно. А друзья – вы больше тяготели к евреям, или вам было все равно?

В основном, к евреям. Я же вам сказала, что я – жуткая националистка, и даже сейчас тоже.

И все годы. может быть, это плохо, но я фашистка, я честно вам признаюсь.

Когда было создано государство Израиль, для вас это что-то значило?

Вы еще не прячете фото, я быстренько сделаю копии. Это недалеко. Вы вообще следили за событиями в Израиле? Вот когда была бдневная война, война Судного дня?

Я была в Израиле. У меня в то время в Израиле жила тетя. Я же вам сказала.

Да, но вы могли слушать какие-то новости?

Мы всегда слушали, всегда интересовались, всегда переживали, любое событие принимали как удар на себя. Это я и мои дети.

Когда начались отъезды евреев в Израиль, у вас не было мыслей об отъезде?

Были. Были, тогда вы знаете, как с отъездом было? тогда было так, что не выпускали. Тогда надо было разрешение получать, если я еду, должны были подписываться мои родители, все мои братья и сестры, все мои близкие, родня. Кто есть, должны были ставить свою подпись, что они не возражают, чтобы я поехала в Израиль. У меня был кавалер, я хотела ехать в Израиль еще до замужества. И я не поехала, потому что моя мама была против.

А почему?

Она не хотела сестру оставлять.

Фаня, вы говорили, вы были активной комсомолкой. Когда умер Сталин, для вас это что-то значило?

Значило. Вы знаете, я пишу стихи. У меня есть, я посвятила Сталину стихотворение, когда Сталин умер. Я написала, я полностью не помню, мне об этом никто не говорил. У меня есть книга, и для детей я писала, и на мужа я писала. У меня есть стихи. Я сейчас перестала, а одно время увлекалась. Я когда очень возбужденная, расстроенная, я могу сесть и целую книгу написать.

Вам надо как-то выплеснуть это все в стихах?

Да. И я не только в стихах, я и прозу могу написать, когда я возбужденная.

Вы помните, что вы тогда написали?

Я помню, все так подробно не помню. Но я писала стихотворение, когда ушел Сталин. Я писала стихотворение, когда полетел Гагарин в космос. Я за Сталина получила тогда 75 рублей. Деньги.

Где-то его опубликовали?

Публиковали. Я вот только не помню, мне кажется, всесоюзные газеты шли тогда, и, кажется, в «Комсомольской правде» это было, я уже не помню. Что-то так было. «Ушел от нас наш гений величавый, умолкли звуки пламенных речей. Но в сердце каждого из нас хранится память...». Я уже не помню, у меня большое стихотворение было написано. Про Сталина.

И это были ваши искренние переживания?

Да, вы знаете, я была у памятника Свободы тогда, и я стояла и плакала, как все плакали. Я говорю, как оно есть.

Я на это и рассчитываю, что вы говорите, как оно есть. А когда потом, на XX съезде партии Хрущев выступил с разоблачением культа личности Сталина, вы поверили в это?

Нет. Не поверила. Я очень была возмущена, и поверила тогда, когда разоблачили Берия. И потом, я вообще уже была, как говорится, против советской власти, когда было дело с врачами. Когда разоблачили врачей, издевались над ними. Вот эта... как ее фамилия была?

Тимошук, статья «Убийцы в белых халатах».

Да, да. Вот, я, конечно, тогда была против, когда еврейских врачей обсуждали, и все. Тогда я была уже против Хрущева, против всех.

Но это было еще до смерти Сталина, в январе, а Сталин умер в марте.

Это он уже никакую роль не играл.

И вы с его именем не связывали. А еще раньше, в 1948 году, когда начались процессы космополитов, Михоэлса убили, выгоняли евреев с работы – у вас такого не было?

Была ненависть, но не именно к Сталину, а к этой эпохе.

Вы понимали, что это все, скорее всего...

Я вам говорила, что я – патриот своего народа, понимаете, я жуткая националистка. Может, это и плохо, но это во мне есть. Я националистка, я люблю свой народ и свою нацию. И вот, когда я слышу что-то хорошее о своем народе – я сияю, а когда что-то это – я переживаю, я горюю. Я националистка, я радуюсь, когда бываю в компании, где одни евреи. Я со всеми общаюсь, но когда евреи – для меня это все.

Фаня, а когда эти процессы были, космополиты, «дело врачей», это вызвало какую-то волну антисемитизма?

В Латвии?

В Латвии, в Риге.

Да. Но я хочу сказать: когда на Украине было это все, и прочее, то по сравнению с этим, у нас было спокойнее, и здесь, в Риге тоже. И я хочу сказать, не латыши бушевали, а русские.

Приехавшие?

Приехавшие русские. Латыши к евреям относились лучше. Вообще, в целом взять, латыши к евреям хорошо относились. Среди латышей по отношению к евреям не было столько

фашизма и национализма, как среди русских. Может быть, у них и есть. Но именно, латыши не любят приезжих евреев, но местных они уважают.